

К витрине магазина «Охота и рыбалка» Валера приходил каждый день, после школы. Прекрасная новая удочка манила его своим видом, как торт – сладкоежку. Он выучил все ее детали наизусть и мог описать их в мельчайших подробностях, он точно знал, что с этой удочкой он поймает всю рыбу, которую только возможно, а также знал, что ничего в мире ему не нужно так сильно, как нужна эта удочка. На ценнике было написано умное слово «спиннинг» и цена, от которой простым смертным становилось дурно, а заядлые рыбаки, остановившись на крылечке возле витрины, грустно вздыхали и закуривали папироску, кивком головы здороваясь с продавцом дядей Колей через стекло. Купить эту удочку хотели все, кто хоть раз ходил рыбачить на местное озерцо, а так как в этом маленьком сибирском городке в начале 80-х особых развлечений, кроме водки и рыбалки, и не было, то рыбачить ходили все лица мужского пола с 13 до 70 включительно. Хозяин магазина, безусловно, привлек огромное внимание к своей витрине при помощи этой красавицы, да и расчет казался верным – подавляющее большинство мужчин городка были рыбаками, а какой рыбак не хочет хорошую удочку? – но было одно маленькое «но» – деньгами этих рыбаков распоряжались их жены, а уж им удочка была без надобности. Рыбы в озерце было столько, что хоть руками вытаскивай, а на такую гору денег приличная семья могла прожить пару месяцев.

Валере было почти 16, и жены у него пока не было. Он был решительным и целеустремленным парнем и умел ждать. На тот момент он уже осваивал рабочую профессию в учи-

лице и получал повышенную стипендию, которой хватало на папиросы и мороженое понравившейся девушке, но явно не хватало на ту восхитительную удочку. И конечно же, именно она теперь завладела всем его вниманием, и никакая девушка не была важнее.

Пару дней он просто думал об удочке, но потом понял, что простое думание никак не приближает их друг к другу, и тогда он стал думать, как именно он мог бы ее заполучить. План родился быстро. Надо было заработать денег, причем как можно быстрее, чтобы никто другой не успел купить предмет его страсти раньше него. Работы он не боялся, предлагать свои услуги – тоже. Занятия в училище проходили с утра и до обеда, а после обеда его сокурсники разбредались кто куда, некоторые мастерили поделки из дерева, а многие просто пили пиво на лавочке в местном парке, считая это самым лучшим времяпрепровождением. Устраиваться на какую-либо временную работу Валера не хотел, ибо быстрых денег это бы ему не принесло, а целью было не «устроиться на работу», а «купить удочку». Решение пришло быстро. Как вы помните, большая часть мужского населения городка была занята рыбалкой, как в хорошем смысле слова, когда у хозяйки всегда есть свежая рыба на обед, так и в не очень хорошем, когда у хозяйки нет ни рыбы, ни помощи от мужа, так как он, якобы, рыбачит. А дома, сами знаете, всегда есть чему сломаться. Вот жены рыбаков и стали для Валеры решением. Он расклеил по городку объявления, что за скромную плату готов выполнять мелкий ремонт по дому. Его собственный отец тоже был рыбаком, и заниматься домом не очень спешил, а детей было трое, и кому-то надо было уметь вкручивать лампочки и чинить утюги.

Клиентура нашлась за считанные дни. Работал он качественно, брал недорого, хозяюшки были довольны и рекомендовали Валеру соседкам. Он чинил текущие краны, чистил засорившиеся трубы, менял лампочки и прибывал полочки, пылившиеся месяцами на антресолях. Женщинам нравилось, что он был чисто одет, вежлив и немногословен. Некоторые предлагали ему обед, некоторые – рюмочку или даже провести вечерок вместе, но он всегда вежливо отказывался от всего, кроме денег, помня о своей цели.

Чаще всего он помогал по дому соседке тете Вале. Ее муж был, наверное, самым заядлым рыбаком в городке, и го-

ворили, что в молодости он и правда ловил рыбу и кормил свою большую семью, да и в работе своей считался отличным специалистом и получал хорошую зарплату. Потом что-то случилось, и рыбалка, по большому счету, превратилась в распитие водки с товарищами, а хорошую зарплату ему платили скорее, по старой памяти, чем за реальный вклад в работу завода.

Тетя Валя в молодости была хороша собой, да и сейчас, когда ей было за 40, выделялась на фоне ровесниц стройной фигурой и красиво уложенными волосами с сединой. По профессии она была учительницей, говорила красиво и грамотно, и они с Валерой быстро нашли общий язык. В первый раз он пришел к тете Вале починить кран, потом было что-то еще и что-то еще, а через месяц Валера стал задумываться, как это дом до сих пор не развалился, потому что всегда находилось, что починить. Несмотря на то, что он был из простой семьи, Валера был довольно деликатен в разговоре, но в какой-то момент любопытство победило.

Он починил что-то очередное сломавшееся и уже собирался уходить, но замешкался, теребя в руках кепку.

– Теть Валь, – голос звучал неуверенно, так как спрашивающий был все еще не уверен в том, что стоит задать вопрос, – а можно спросить?

– Конечно, спрашивай, – улыбнулась собеседница.

– А почему дядя Сережа ничего по дому не делает?

Тетя Валя рассмеялась в ответ, хотя в смехе Валера уловил скорее разочарование, чем веселье.

– А я ждала, что ты спросишь... А я и не знаю, толком... Мне кажется, он интерес к жизни вообще потерял. Вот водка и осталась, она особых усилий не требует...

– Но у вас же семья большая, три дочки!

Тетя Валя вздохнула и присела на неказистую табуретку в уголке прихожей, которую Валера обычно брал, чтобы лампочки вкручивать.

– Ты знаешь, он в молодости хорошим парнем был... Симпатичный, высокий, волосы такие красивые, волнистые... На гитаре играл, песни пел... Я в него с первого взгляда влюбилась, захотела замуж за него выйти. Я его и на свидание первая позвала. Папа мой был партийный функционер, не самый последний человек в городе, так он против был,

что я простого работягу выбрала себе в будущие мужья, но потом смирился. С его помощью Сергею и работу на заводе хорошую нашли – должность повыше, зарплата получше. Мы поженились, потом у нас двойняшки родились, ну и жили себе, вроде нормально все было, как у всех... Дети подросли, в школу пошли, он работал, я работала. Он выпивал, конечно, но не каждый день, скорее, по праздникам, ну так по праздникам все выпивают.

Она замолчала, как будто картинки прошлой жизни столпились перед ее внутренним взором и перекрыли дорогу словам.

– А потом что случилось? – осторожно спросил Валера.

– А потом его как подменили... Ему тогда лет 35 было. Говорят, он влюбился тогда, в жену директора завода, она из Москвы приехала, такая модная фифа. И он ее увидел, и все, вот лучше нее нет. Даже набрался храбрости и ей сказал, что влюблен. Ну, и она его отшила, конечно... Зачем он ей такой, лапотный... Его и перекрыло после этого, что жизнь зря прожита.

– Это он вам сам рассказал? – Валера смотрел на тетю Валю во все глаза.

– Нет, конечно, что ты... Это мне через много лет добрые люди рассказали... Он тогда мне говорил, что это у него кризис такой. Среднего возраста. Новомодное такое словечко. Но я в эти кризисы не верю. Блажь это все. Займи себя работой, или вон фигурки лобзиком выпиливай, и все, пройдет кризис. А он пить начал. Как зарплата – так он в хлам, уже с завода на рогах приходил... Я думала, пройдет у него это, даже решила еще одного ребенка родить, думала, одумается. Вроде сначала получше было, он дочек любит, тут ничего не скажешь, но как младшая в школу пошла, так водка и победила.

– А вы с ним разговаривать пытались?

– Конечно! И разговаривала, и убеждала, и стыдила, и на заводе начальнику его жаловалась. Он же мужчина, он должен нести ответственность!

– А он что?

– А что он... Я, говорит, зарплату тебе отдаю, вот и все, не трогай меня, я на рыбалку пошел. А в доме же надо порядок поддерживать! Я сначала сама пыталась, но какой из меня электрик... Иногда брат помогал, но у него своя семья, не до меня... А потом вот ты появился, ну я и думаю, не хочет мой

муж мне помогать, тогда буду чужому человеку платить, чтобы его работу делал...

Валере стало немного не по себе от этого разговора. И от откровенности своей соседки, и от явной обиды и горечи в ее голосе.

– Пойду я, тетя Валь... Завтра приду, на балконе шкаф доделать надо, – сказал он, не поднимая глаз.

– Иди, касатик, конечно. Что-то я разоткровенничалась...

После этого разговора Валера стал замечать, что почти все женщины, кто обращался к нему за помощью, были либо одиноки и несчастны, либо замужем, но все равно несчастны. Мужья попросту игнорировали их просьбы о помощи по дому, предпочитая посидеть на бережке с удочкой или бутылочкой, и никакие разговоры о долге или обязанностях на них не действовали.

С одной стороны, это удручало, с другой стороны, их жены платили ему за то, чтобы он делал их работу, и его это вполне устраивало.

Пришло три месяца. Почти каждый вечер Валера пересчитывал заветные банкноты, которые бережно складывал в особую коробочку, и прикидывал, сколько еще кранов нужно починить до получения нужной суммы. Пересчитал и сегодня. Оставалось всего ничего. Пару дней работы – и заветная удочка станет его! То, что никто не перехватит добычу, Валера уже давно понял, удочка была не по карману никому в их городке, и напрягаться ради желаемого никто не собирался. Он заснул в мыслях о рыбалке, но золотая рыбка ему не приснилась. Наверное, была занята исполнением других желаний.

Через пару дней сумма была полной. Валера три раза пересчитал деньги, чтобы быть точно уверенным, и решил, что в субботу пойдет за покупкой.

Из детей в семье он был старшим, и у него у одного была своя комната. Дверь в свою комнату он держал закрытой и добился того, чтобы все желающие войти предварительно стучались. Это не работало только с отцом, пришедшим с рыбалки, когда рыбалка особенно удалась, и ему было море по колено, но тем не менее, определенный уровень уединения у Валеры был.

Он как раз спрятал заветную коробочку, когда в дверь осторожно постучали.

– Валера, можно к тебе? – раздался голос матери.

– Да, конечно, – он распахнул дверь. Как сын, он любил мать, а как человек, жалел ее. Даже на его подростковый взгляд, ее жизнь была весьма тосклива и неприглядна, пьющий муж, трое сыновей, безденежье... Валера, как старший, чувствовал свою обязанность помогать этой женщине, насколько мог. – Заходи.

Мать присела на край кровати, заправленной дешевым фланелевым покрывалом грязно-зеленого цвета. Больше и сесть-то было некуда, колченогий стул стоял возле стола, а учебники Валеры лежали прямо на полу, на тумбочку денег в семье не было.

– Послушай, тут такое дело... Ты же помнишь, у Виталика скоро День Рождения?

Виталик был младшим из братьев. Как брат, Валера его любил, а как человек, считал, что Виталик – никчемное и избалованное существо, которое в жизни палец о палец не ударило, но тем не менее, все вокруг него носились, так как он был младшим и родился слабеньким. Ему было уже 13, и он не хотел ни учиться, ни работать, где-то шаялся целыми днями с такими же никчемными балбесами и иногда брэнчал на старенькой гитаре, которую ему подарил брат отца. Более того, ему всегда дарились самые хорошие подарки и доставались лучшие кусочки за столом. Мать в нем души не чаяла и готова была голодать, только бы ее Виталик был доволен. Виталик этим умело пользовался, блестяще имитируя сыновнюю любовь, и Валера ничего не мог с этим поделать.

– Помню, конечно, – Валера уже внутренне напрягся, думая, к чему бы мог вести этот разговор.

– Ты знаешь, он сказал, что хочет в подарок себе... Слово такое непонятное, как-то на «си» начинается, на нем музыку играть можно, как на пианино.

– Синтезатор?

– Да, вроде так... Он сказал, нашел кого-то, кто продает с рук, не новый, и вроде недорого... Но у нас нет таких денег, ты же знаешь... Это почти три зарплаты отца! А ты же работаешь сейчас, людям помогаешь, мне соседки говорили, что ты молодец... И я подумала, может, ты сможешь купить эту штуку? Виталик очень просил, он сказал, если у него будет этот, как его, «син» что-то там, его тогда в школьный ан-

самбль возьмут, он играть там сможет... Ты же знаешь, он талантливый!

Талант Виталика, по мнению Валеры, существовал строго в глазах матери, а Виталику хорошо было бы дать ремня, а не синтезатор. Но мать выглядела такой жалкой... Чувство долга и жалости затопили его.

– Сколько нужно денег? – нехотя спросил он.

Мать назвала сумму, почти равную той, что была спрятана в его коробочке.

– Ты знаешь, он когда сказал, сколько нужно, я ему сказала, что таких деньжищ сроду в руках не держала... Но он так просит! Неделю уже за мной ходит с этой пианиной, вот без неё ему жизнь не мила... Если у тебя столько нет, то скажи, я понимаю...

Валера чувствовал себя, как заяц, за которым охотятся и которого загнали в угол. Он, конечно, мог и соврать, что у него столько нет – сумма и правда была приличной, но как потом он будет смотреть в глаза матери, когда купит удочку? С другой стороны, он три месяца работал, пока этот балбес прогуливал школу и занимался ерундой! И что, ему всего лишь достаточно сказать: «Мамочка, я так тебя люблю», что бы та была готова в лепешку расшибиться?

– Он же хороший мальчик, ты же знаешь... – голос матери звучал просительно и униженно, и от этого Валере было еще хуже.

Он даже покраснел от внутреннего напряжения. Совершенно не знал, что делать, ибо ни одно из решений теперь не казалось ему приятным. Удочка же только для него самого, а синтезатор, возможно, порадует и брата, и мать...

– Mam, я завтра скажу, хорошо? – с трудом выдавил он из себя.

– Да, конечно, – мать встала и закивала головой. Время есть... Он просто говорит, надо в субботу купить, пока хозяин ждет... А то вдруг передумает...

Ночью Валера почти не спал. Ему виделась то удочка, то лицо матери... Он чувствовал себя почему-то виноватым перед ней. Она одна воспитывала троих пацанов, работала на двух работах... От отца толку было мало, он хоть и отдавал матери зарплату, но умудрялся почти каждый день где-то выпить, и хорошо, если приходил домой и ложился спать, а мог и руку поднять...

На следующий день вечером он добавил еще немного денег в свою коробочку и пересчитал их. Выбора у него не было, или же он его не видел. Мать была на кухне, что-то изобретала на ужин для четырех голодных мужчин из дешевых продуктов, за которыми Валера ходил на местный рынок.

– Мам, вот деньги, – угрюмо буркнул он, протянув матери коробочку. – Тут хватит на синтезатор.

– Валера, – мать всплеснула руками, – какой ты у меня молодец! Виталик будет так рад! Спасибо тебе огромное!

Валере было так неловко, что он отказался от ужина и ушел на пруд, где долго сидел, глядя на темную воду.

В субботу мать и отец, который ради такого случая даже не пошел на рыбалку, вместе пошли покупать синтезатор. Он был в большой коробке, с надписями на непонятном языке и множеством проводов. Виталик долго всех обнимал и благодарил, подключил его и даже несколько минут потренировал по клавишам. Потом пришли его друзья и он ушел гулять. Оказалось, что для того, чтобы играть на синтезаторе, нужно долго учиться, а это не входило в планы Виталика. Он же думал, что синтезатор будет играть сам, а он будет просто стоять за ним и делать вид, что нажимает на клавиши, и тогда будет нравиться всем девчонкам.

Синтезатор занимал много места, убрать его было некуда, и в итоге Виталик стал использовать его, как место для развешивания своих вещей, вместо спинки стула.

В магазин «Охота и Рыбалка» Валера больше не ходил, а через неделю мужики рассказали ему, что приезжал какой-то крутышка на большой машине из соседнего города и купил ту удочку.

Прошла пара лет, Валера закончил училище, и пора была думать, как жить жизнь дальше. Если бы его спросили тогда, что бы он хотел делать, он бы ответил, что ему нравится чинить все, что сломалось, от телевизоров до автомобилей, потому что ему вообще нравилось помогать людям, но его особо никто и не спрашивал. Откуда подростку знать, что для него хорошо?

Он был достаточно общительным парнем и иногда с приятелями ходил на танцы. Танцевать он был не любитель, скорее так, выпить пива и поглазеть на девчонок, которые ради такого мероприятия усердно рисовали на глазах «стрелки» черным карандашом и укорачивали юбки.

Валера как раз допивал свое пиво, когда один из приятелей толкнул его в бок.

– Смотри, вон девчонка с тебя глаз не сводит, иди познакомься!

В Валерины планы не входило знакомиться с кем-либо вообще, но он увидел, как несколько пар глаз выжидательно смотрят на него, и почувствовал себя неловко.

Девушка и правда смотрела на Валеру внимательно и с интересом.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Валера, не очень зная, как себя вести.

– Добрый, – девушка улыбалась, – ты Валера, правильно?

– Да, – немного удивился парень, – мы знакомы?

– Моя мама – подруга твоей мамы, она мне про тебя рассказывала.

Девушку звали Ирина. Она была невысокая и худенькая, с короткими темными волосами. Ее можно было назвать «неприметной», потому что узнать ее в толпе было почти невозможно, она сливалась с безликой массой людей. Валера вряд ли бы обратил на нее внимание сам, хотя и назвать ее непривлекательной было нельзя. Она была, так скажем, обычная.

Они так и стояли, друг напротив друга, и пауза затянулась.

– Потанцуем? – предложила Ирина.

Валера не нашел причины, чтобы отказаться. Они потанцевали, о чем-то поговорили, и как воспитанный юноша, Валера предложил Ирине проводить ее домой. Она согласилась, да и жили они неподалеку друг от друга.

Он практически забыл и о девушке, и о знакомстве, и не сразу понял, о чем была речь, когда через несколько дней мать сказала ему, что Ирина передает ему привет.

– Какая Ирина? – он поднял голову от тарелки супа. – Я не знаю никакой Ирины.

– Ну как, Ирина, дочь Маши, моей подруги! Вы познакомились на танцах! Ты ей очень понравился, она все время про тебя спрашивает! Такая девушка хорошая, спокойная, тихая, учится хорошо, по хозяйству помогает матери!

Валера не видел связи между ним самим и тем, что какая-то девушка помогает своей матери, поэтому промолчал и продолжал есть суп.

Вечером, когда он лежал на кровати и читал книгу, мать постучалась к нему в комнату.

– Просто вот решила заглянуть, посмотреть, что ты делаешь... Спросить, как вообще дела у тебя?

– Хорошо, – немного настороженно ответил Валера, не понимая пока, к чему она клонит.

– А как в личной жизни у тебя, все хорошо?

– Вообще отлично, нет личной жизни, нет проблем, – попытался пошутить Валера.

Мать помолчала, как будто подбирая слова.

– Я тебе хотела про ту девочку еще рассказать, про Ирину... Хорошая девочка такая она, маме помогает, добрая, симпатичная...

– Мам, я понял, что она матери помогает. Я-то тут при чем? – Валера и правда не понимал.

– Я вот подумала, может, ты бы пригласил Ирочку в кино? Или погулять? Подружились бы.... Она хорошая!

– Да не хочу я ни с кем в кино идти! Как захочу, так пойду!

– Ну, она спрашивает про тебя! Ты ей нравишься, наверное... Почему бы не подружиться? Тебе скоро 18 же, пора и о семье подумать.

– Ты еще скажи, что внуков хочешь, – съязвил Валера.

– Конечно, хочу! Все хотят...

– Мам, не до этого мне. Не хочу я в кино. – Валера демонстративно поднял книгу и сделал вид, что продолжил чтение.

Мать вздохнула и вышла из комнаты.

Подобные разговоры она заводила с Валерой еще раза три, и в конце концов, чтобы она от него отстала, он согласился сходить в кино с Ириной.

К его удивлению, поход прошел не так уж плохо. Она не настаивала на том, чтобы пойти посмотреть девчачью кинокомедию, и они посмотрели крепкий боевичок с погонями и перестрелками, по дороге спрашивала его о рыбалке, и он так увлекся рассказами об удочках, что не заметил, как пообещал зайти в гости на следующей неделе.

Но и об этом он бы с легкостью забыл, если бы не пришло напоминание в лице матери.

– Когда ты пойдешь к Ирочке в гости? Они очень ждут, спрашивают, что тебе приготовить, что ты любишь?

– Ой, а можно, я не пойду? – Валера скорчил гримаску.

– Как это «не пойду»? Ты же обещал! Надо сдержать слово!

Так продолжалось пару месяцев. То его мать приглашала Ирочку в гости, то Валеру каким-то образом подводили к обещанию прийти к ней в гости, или погулять, или еще что-нибудь. В конце концов, он смирился. Ирочка, так Ирочка.

К тому же, подкралось время идти в армию.

– Сынок, – почти стучал по столу отец после пары рюмок, – сынок, ты должен отдать долг Родине! Я свой долг отдал, и дед твой отдал, и мой дед! И ты должен!

В подробности того, когда все эти люди успели столь прилично задолжать Родине, никто не вдавался, но на проводах Валеры в армию отец несколько раз пускал скупую мужскую слезу при словах «долг», «Родина-мать», и «защитник».

Служил Валера довольно успешно и спокойно, заслужив уважение командиров. В конце концов, это не так трудно – одежду дают, кормят по расписанию, и не надо думать, что делать, за тебя это делают командиры. Делай то, что говорят, и все будет хорошо. Валера делал, и все было хорошо. За время службы он стал шире в плечах, увереннее в голосе и крепче в рукопожатии.

Служба подходила к концу, дембель был не за горами, и какой-то этап жизни должен был закончиться. Как-то утром командир вызвал его к себе. Он долго рассказывал ему о мужской профессии, долге, чести и Отечестве, а потом сказал, что он предлагает Валере служить по контракту, и, если тот согласен, то есть вариант отправить его, Валеру, служить на Дальний Восток, и его командир лично договорится о том, чтобы он попал в хорошую часть.

– Подумай, Валерий, – сказал командир, хлопая его по плечу, – зарплата хорошая, полное обеспечение, повышение по службе быстрее пойдет. Подумай. Если согласен, скажи мне, я оформлю бумаги.

Валера никогда не думал о том, чтобы связать свою жизнь с армией. Ему казалось, что после дембеля перед ним волшебным образом откроются все дороги и он будет делать то, что ему нравится. В армии ему было неплохо, но было ли это то, чего он хотел?

Вечером в казарме он поделился с одним из приятелей новостью о том, что ему предложили служить по контракту.

– Да ты что??! Вот это здорово! И зарплата хорошая, и обеспечение, и на пенсию выйдешь молодым! Вот мне бы так!!!

Энтузиазм приятели был столь неподделен, что решение было принято, как бы, само собой.

В отпуск он приехал домой, повидаться со всеми. Надо сказать, что пока он был в армии, Ирина писала ему письма и вроде бы ни с кем больше не встречалась. Дождалась, как говорится.

Встреча была пышной и стол ломился от еды. Вся семья была в сборе, и подвыпивший отец еще больше плакал при словах «Отечество» и «долг». Про предложение командира Валера решил сообщить немного позже, и рассказал матери только на следующий день.

– А как же Ирочка? Я думала, вы поженитесь! Что люди скажут, вы же уже встречаетесь долго! Она тебя из армии дождалась! Ты не можешь так просто ее оставить! – мать всплеснула руками.

Валера вздохнул, но промолчал. Он совершенно не подумал, что надо будет говорить о переменах в его жизни Ирине, но и просто так уехать не мог.

Когда они встретились, Ирина радостно бросилась к нему на шею.

– Я так тебя ждала!

Начать разговор сразу показалось ему неуместным, и только после торжественного обеда в честь его возвращения, когда они пошли прогуляться, он решился.

– Послушай, – немного неуверенно начал он, – мне предлагают остаться в армии и поехать служить на Дальний Восток. Там повышение быстрее идет и зарплата неплохая. Я думаю, надо ехать. Хотел вот тебе рассказать.

Ирина выглядела немного ошарашенной этой новостью.

– Я думала, ты вернешься из армии, и мы поженимся, – тихо сказала она. – Я тебя два года ждала!

Валера почти открыл рот, чтобы сказать, что он, вообще-то, не просил его дожидаться, но чувство неловкости от этой фразы заставило его рот закрыть и промолчать.

Тем не менее, решение было принято, и он готовился к отъезду. Встречался со знакомыми, собирал нужные бумаги, гулял по знакомым с детства местам, не зная, когда увидит их в следующий раз. Разговор об Ирине продолжился

через пару дней, вечером, когда мать постучала в дверь его комнаты.

– О, я вижу, ты собираешься... Я разговаривала с мамой Ирочки, мы думаем, что сможем организовать свадьбу до твоего отъезда.

– Мам, какую свадьбу? Я уезжаю служить на Дальний Восток!

– Правильно, и Ирочка поедет с тобой! Она тебя дождалась, ни с кем не встречалась, мы все ждали, что свадьба будет, когда ты вернешься!

– А меня спросить не забыли? – Валера начал злиться. – Я не просил ее меня ждать, вообще-то!

– Не понимаю твоей реакции. Хорошая девочка, все при ней, домашняя, хозяйственная, спокойная – что тебе еще надо? Да еще и ехать с тобой в какую-то там Тмутаракань согласна! Думаешь, таких вокруг миллион? И потом, что я ее матери скажу? Они уже и свадьбу спланировали!

– Да я не собирался на ней жениться! Ну погуляли, и все! Мы и не говорили об этом!

– Ну кто ж виноват, что ты такой нерешительный и своего счастья не видишь? Вот мы и помогаем. Вместе и поедете, и как раз время будет приглядеться друг к другу, привыкнуть... А там, глядишь, и детишки пойдут, нам на радость.

Валера только и мог, что себя по лбу ладонью стукнуть. Мать вышла из комнаты, а он остался сидеть, глядя в стену. Еще через какое-то время в дверь опять постучали. Это был Виктор, средний из братьев. Его считали мальчиком хорошим, но ничем не выдающимся, обычным. «Ни о чем», как выражался Валера.

– Слышал, мать тебя жениться уговаривает, – негромко начал Виктор.

– Уговаривает? – усмехнулся Валера. – Я бы сказал, перед фактом ставит.

– Ты знаешь, если честно, я тебе немного завидую даже, с Ириной... Девчонок нормальных почти нет, они или уехали учиться, или уже замуж повыскакивали и детей нарожали, а Ирина тебя ждала.... К ней многие подкатывали, знаешь, а она – кремень... Надежная, верная. Хорошая жена будет. Да и сам подумай, вот поедешь ты в тайгу, что ты, сам там себе готовить и стирать будешь? Да и спать одному одно-

ко... А так у тебя сразу тыл прикрыт, дома делать ничего не надо, и женщина всегда под боком, искать не нужно. Удобно. Вряд ли там в гарнизоне девушки молодые свободные толпами сидят, тебя ждут, а Ирина нормальная такая, фигуристая. Не знаю, чего ты сопротивляешься.

Валера хотел сказать, что вообще-то он бы хотел жениться по любви, но не сказал. Картинка жизни в гарнизоне неожиданно показала себя с другой стороны, и в какой-то степени слова Виктора оказались не лишены смысла. Два года в армии без женщины – большой срок, а тут и вовсе неизвестно, насколько он застрянет на своем Дальнем Востоке.

То, что Валера перестал сопротивляться свадьбе, было воспринято, как должное. Мать Ирины договорилась в ЗАГСе, чтобы молодых поженили в срочном порядке, на церемонии, как водится, матери плакали, отцы втихушку потягивали шампанское, свежееиспеченные муж и жена слегка сторонились друг друга, а гости просто ели и пили.

До места службы они добирались долго. На поезде, на автобусе, на попутной машине... Гарнизон и правда был в тайге, вдалеке от населенных пунктов. К нему вела старая разбитая дорога без указателей, и найти его было бы непросто, если бы кто-то не привязал к дереву грязную красную тряпку, и это служило единственным ориентиром для вновь прибывших. По периметру стояло несколько унылых и грязных одноэтажных бараков, которые никто никогда не красил и не ремонтировал, некоторые из стекол выбило сильным ветром, некоторые двери были сломаны, а уж о горячей воде из крана можно было и не мечтать.

Так как Валера приехал с женой, а не один, квартиру им выделили побольше и почище, окна и двери были целы, и через пару дней уборки и починки место стало более или менее обитаемым. Штаб, где Валере предстояло работать, был в пяти минутах ходьбы, магазин со скудным набором продуктов – в десяти, и еще в гарнизоне было что-то вроде клуба, в котором по выходным показывали фильмы с патриотическим уклоном.

По утрам Валера ходил на службу, по вечерам возвращался в казенную квартиру. Кормили в столовой неплохо, работа была несложной, в квартире был маленький телевизор, а в клубе – библиотека с книгами по военному искусству, которые

Валера с интересом читал. Ирина приспособилась готовить из ограниченного набора продуктов и стирать холодной водой, и по большому счету Валера был рад, что приехал не один. Разговаривать им было особо не о чем, по вечерам они сидели у телевизора, и жизнь протекала неспешно и однообразно.

Принцип службы был Валере знаком – делай то, что говорят, и все будет хорошо. Командир был доволен Валерой за его исполнительность и продвижение по службе Валере давалось легко. Через некоторое время, когда он подружился со всеми в гарнизоне, оказалось, что неподалеку есть небольшое озеро, и рыбалка стала занимать свободное время по выходным.

Через некоторое время Ирина сказала, что хочет иметь ребенка. Ей было скучно в гарнизоне, да и вбитые в голову мамой правила жизни типа «вышла замуж – рожай» диктовали поведение. Валера искал в себе желание стать отцом, не нашел, и в ответ промолчал, и молчал в ответ на все подобные разговоры. Но Ирина так просто не сдалась. Через некоторое время Валера получил письмо от матери, которая, между делом, упомянула, как сильно она ждет внуков, и мать Ирины тоже, и как намного счастливее и лучше станет жизнь самого Валеры с появлением ребенка.

Собственно, ничего такого сложного в этом и не было. Парень он был молодой, и природа сама все сделала. Когда Ирина забеременела, командир помог Валере переселиться в квартиру еще больше, и помог с получением детского пособия.

Ребенок родился здоровым и крикливым. Чтобы избежать криков и шума, Валера стал проводить еще больше времени на работе, что хорошо сказывалось на его успехах по службе, и плохо – на семейной жизни. Помогать Ирине с ребенком он не стремился, но, если честно, вся эта затея с ребенком изначально была не его.

Вскоре его повысили по службе, дали кабинет побольше и зарплату повыше. Валера решил купить себе машину, чтобы ездить на рыбалку, и начал откладывать деньги каждый месяц, предвкушая зависть сослуживцев. Но как-то так получалось, что как только он хотел спрятать деньги в записку, происходило что-то, что требовало дополнительных расходов. То ребенок внезапно заболел, то срочно требовал новых одежек, то ломался утюг, то выходила из строя плита.

Ирина встречала его вечером со словами «нужно купить» так часто, что он стал приходить домой еще позже.

Тем не менее, он почти накопил на ту машину, которую хотел. Он уже договаривался с коллегой, чтобы тот отвез его в город, где он хотел купить машину, как пришло письмо от матери. Виталик попался на какой-то мелкой краже и нужны были деньги на адвоката, чтобы его не посадили в тюрьму. Лично Валера не имел ничего против того, чтобы Виталик провел некоторое время в тюрьме, посидел и подумал над своим поведением, но мать так не думала. Деньги Валера отправил, Виталика отпустили, и покупка машины откладывалась.

Прошло полгода. Валера скопил еще денег и нашел новую машину. Оставалось поехать в город в ближайшее увольнение и купить, наконец, машину, но почта пришла раньше.

Мать писала, что девушка, с которой встречался Виктор, забеременела, и нужно было срочно устроить свадьбу, чтобы избежать ненужных разговоров. Деньги на свадьбу были только у одного человека в семье – у Валеры.

Прошло еще несколько месяцев и наступило лето, период отпусков. Ирина несколько раз заводила разговор, что ребенку надо повидать бабушку и увидеть родину родителей. Проще говоря, это означало, что Валере надо было купить билеты в отпуск. Сам он планировал провести отпуск с удочкой на берегу озера, в тишине и без людей, но, как обычно, был кто-то, кто знал лучше. Мать написала, как сильно они хотят увидеть внучку, и картинка с озером и удочкой лопнула, как мыльный пузырь.

В родном городе его встретили, как героя. Большинство его ровесников либо спились, либо сидели в тюрьме, а оставшиеся перебивались случайными заработками и мелким воровством. Те, с кем он был дружен в юности, громко приветствовали его, хлопали по плечу, приглашали выпить вместе и неизменно просили занять денег «до получки». Он бы, может быть, и занял, даже и зная, что никакой получки не будет, так как работы в городке почти не было, но его собственные родственники уже и так выгребли почти все, что у него было.

Обе бабушки носились с внучкой, как с сокровищем, несмотря на то, что девочка была несимпатичной и угрюмой, а через пару дней и вовсе свели разговор к тому, что «надо второго рожать, пора уже». Ирина кивала и поддакивала. Валера,

как обычно, отмалчивался, но разговоров про «братика или сестричку» было так много, что как-то вечером дочь подошла к нему и сказала: «Папа, я хочу блатика или сестличку», и он мог поклясться, что глаза Ирины торжественно сверкнули.

Они вернулись в гарнизон. Жизнь шла своим чередом, Валера ходил на работу, по вечерам смотрел телевизор. Родилась вторая дочь, слово «надо» звучало еще чаще, да и письма от матери выглядели, как счета. Отца нужно было лечить от запойного пьянства, у самой матери было плохо с сердцем, Виталик опять попался на краже, а Виктору было не на что содержать жену и ребенка.

Валера платил, покупал, переводил деньги. При каждом удобном случае ездил на рыбалку с коллегами и все книги в библиотеке перечитал по нескольку раз. Если бы его тогда спросили, зачем он живет, он, наверное, и не смог бы ответить. Ждет очередного звания, или копит на что-то, или просто ждет выходного, чтобы сбежать от жены и дочерей и молча и бездумно сидеть на грязном и замусоренном берегу озера, убеждая самого себя, что он очень любит рыбалку. Так проходили месяцы, а они складывались в годы.

Его командир к службе относился также, как и сам Валера. Он делал то, что ему говорили, и у него все было хорошо. Его повысили и перевели в другой гарнизон, поближе к центру, а на его место прислали другого. В ротации кадров нет ничего необычного, в гарнизон периодически приезжали новые люди, но откуда-то взялся слух, что у нового майора молодая и красивая жена, на которой он женился совсем недавно. Наверное, это обсуждали офицерские жены, наблюдая за детьми в песочнице, и Ирина обмолвилась об этом за ужином.

Предыдущего майора все любили и провожали вечером с размахом и застольем, а наутро и с головной болью, а следующим вечером приехал новый.

Его встречали всем офицерским составом. Новый майор был невысок, толстоват и лысоват, внешности был заурядной, а в голосе – визглив, и когда из машины вышла женщина, его сопровождающая, мало у кого не возникло вопроса: «Почему эта красавица живет с этим коротышкой?»

Таких, как Ольга, называли «породистая». Дорогая одежда строгого покроя, аккуратно уложенная прическа, сдержан-

ные манеры, неброский макияж и негромкий голос. Она вежливо поздоровалась с присутствующими, и офицеры разве что шею себе не свернули, провожая ее взглядом.

Когда официальная часть приема нового командира закончилась, началась неофициальная. В разговоре майор оказался обаятельным балагуром, приятным и приветливым человеком. Но Валера почти не слушал его. В нем как будто что-то переменилось, словно он спал все эти несколько лет, а сейчас, наконец, проснулся. Он смотрел на Ольгу и больше его ничего не интересовало.

Он вернулся домой молчаливей обычного. Ирина спросила его, не пьян ли он, и он ответил, что нет. По крайней мере, он не был пьян от алкоголя.

Наутро он одевался с особой тщательностью. Побрился, расчесался, начистил обувь. По дороге в штаб он смотрел вокруг и внезапно увидел, как грязно и убого вокруг. Здания обветшали, дорога почти разрушилась, везде валялся мусор. Лица офицеров были несвежи и помяты после вчерашних возлияний, в штабе стоял отчетливый запах перегара, а в его кабинете – еще и вонь от переполненной пепельницы.

К удивлению для самого себя, он провел почти полдня, занимаясь уборкой своего кабинета. Он вымыл стаканы, полки, стол, телефонный аппарат, и вызвал к себе солдатиков, чтобы те помыли окна и полы. Придирчиво осмотрев помещение, он решил, что надо было покрасить оконные рамы и двери, что и запланировал сделать в ближайшие выходные. Внезапно ему захотелось бросить курить и купить себе новые ботинки. И ремень. И подстричься.

Он не очень понимал, что это с ним и зачем, но через пару дней его новый начальник похвалил его за рвение и сказал, что все двери и окна в штабе будут покрашены.

– Хороший пример подаете, Валерий! Может быть, что-нибудь еще можно сделать для гарнизона?

– Я думаю, книги новые нужны в библиотеку, – сам от себя не ожидая, сказал Валера. – Нужно же развиваться, учиться, сами понимаете...

Майор понимал. Книги были заказаны из ближайшего городка.

Вечером Ирина встретила Валеру очередным «надо купить». На сей раз, новое платье для младшей.

– Недавно же купили? В город ездили за ним?

– Ну и что, пора новое! Она же девочка! Ты что, хочешь, чтобы твой ребенок хуже других выглядел? – Ирина почти поставила руки на пояс, как заправская жена, но Валера обошел ее и пошел переодеваться.

В ближайшие выходные он купил себе новые ботинки, ремень, и подстригся. То, что он бросил курить, хорошо сказалось на цвете его лица, да и дышать стало полегче. Сослуживцы подшучивали над ним, что, дескать, так и до занятий спортом недалеко, и Валера задумался, как бы превратить какое-нибудь пустующее помещение в спортзал, а сам решил по утрам бегать – ничего проще в голову не пришло.

Пришел день зарплаты, а с ним и очередное письмо. Отец пьет, Виталик опять что-то украл, жена Виктора опять беременна. Суть письма была обычна – «дай денег». Валера отложил письмо в сторону. Станным образом, внутри было тихо – никаких эмоций не пришло.

– А почему они сами не могут о себе позаботиться? – вопрос прозвучал в адрес пишущей машинки на столе. – Почему это всегда из моего кармана?

Ответное письмо было коротким. «В этом месяце помочь деньгами не могу. Валера.»

После ужина он спросил Ирину, сколько денег она тратит на продукты и на детей.

– Тебе отчет в письменном виде сделать? – язвительно спросила жена.

Он почти ответил: «Да», но решил не отягощать ситуацию.

– Просто хотел знать, хватает ли, – ответил он примирительным тоном, придвигая к себе чашку с чаем.

– Хватает, – удивленно-настороженно ответила жена.

– Хорошо.

В ближайший выходной Валера поехал в город и положил ровно половину полученной зарплаты на сберегательный счет в банке. Так надежнее.

Когда Ирина в очередной раз потребовала денег на платья для девочек, Валера сделал то, чего никогда раньше не делал. Он попросил супругу показать, сколько у них вообще детских вещей. Два шкафа в детской оказались забиты платьями и кофточками под завязку. Разговоры насчет «нужны обновки, потому что нужны» возникали лишь потому, что Ирине очень льстило, когда соседки по двору восхищались тем, как хорошо одеты дети.

Следующее письмо от матери было полно вопросов и беспокойства, все ли хорошо с ним самим, Ириной и детишками, все ли здоровы и благополучны. В конце, тем не менее, был вопрос, сможет ли Валера помочь с деньгами в следующем месяце.

Нет, не сможет. Он и сам не понимал, почему не чувствовал себя виноватым, отказывая родне в финансах, а также не понимал, почему не делал этого раньше. У него как будто гора с плеч свалилась, и стало легче дышать.

Супруга все еще встречала его фразой «надо купить, нужны деньги», но теперь он уточнял, на что, и давал деньги, только если был согласен, что это что-то нужное. Как ни странно, никто не умер и даже не заболел от такого подхода.

С момента приезда нового командира прошло около месяца, а может быть, и двух – время в гарнизоне текло неспешно. Благодаря утреннему бегу Валера похудел и подтянулся, а благодаря целеустремленности приобрел блеск в глазах.

Зачем Ольге было нужно появиться в штабе, было неизвестно, но она там появилась. Может, просто пришла мужа проведать. Валера как раз стоял на крылечке и разговаривал с сослуживцами, когда она подошла к домику, где располагался штаб и улыбнулась при виде свежеекрашенных окошек.

Он увидел ее и почти покраснел, как старшеклассник, увидевший молодую учительницу, в которую влюблен. Провел рукой по волосам, посмотрел на ремень и ботинки, поправил форму. Ольга притягивала его взгляд и мысли, как та удочка в витрине магазина «Охота и Рыбалка», в его 16 лет.

– Добрый день, – пришлось даже прокашляться, потому что слова застревали в горле.

– Добрый день, – Ольга улыбнулась в ответ, – Вы Валерий, я правильно помню? Вы любите читать книги?

– Да, я Валерий... Да, люблю... книги... да... – Валера совсем растерялся.

– Муж говорил, что вы молодец, – она улыбалась и смотрела прямо Валере в глаза.

– Вас проводить к командиру? – спохватился Валера, осознав, что он просто стоит и смотрит на нее, забыв про все вокруг.

– Я найду кабинет, спасибо. Приятно было увидеться!

Она вошла в домик. Возможно, это была просто вежливость с ее стороны, вроде как сказать «спасибо» и «до свидания».

ния», но для Валеры эти слова прозвучали музыкой и надеждой на что-то, в чем он и сам себе пока не мог признаться.

Прошло еще несколько месяцев. В целом, жизнь не очень изменилась, кроме того, что Валера перестал отправлять деньги родне и прочел все новые книги в библиотеке. Но у него была цель, и это помогало.

Он вернулся в гарнизон на новой машине – она, конечно, была не совсем новая, но новая для него – и однозначно стал героем дня. Его поздравляли, хлопали по плечу, предлагали выпить на радостях. Супруга сначала была недовольна тем, что он держал все в секрете, но потом, подумав о выгоде для себя, тоже порадовалась.

Но это все было «не то». Изначально он хотел купить машину, чтобы ездить на рыбалку, но теперь и это было неважно. Ему хотелось вырасти в глазах Ольги, и в мечтах ему виделось, как она садится в его автомобиль и восхищенно смотрит на него, Валеру.

Ольга и правда села в его автомобиль через пару недель. Случилось так, что казенный автомобиль сломался, а командиру срочно нужно было в город. Валера вызвался подвезти начальника, так как был отзывчивым парнем и хотел прокатиться по весеннему лесочку, вместо того, чтобы протирать штаны в штабе.

– Послушай, тут супруга со мной ехать собиралась, ты не против, если мы ее с собой возьмем, – подмигнув, спросил начальник в своей обычной манере а-ля «рубаха-парень», – ей в какой-то магазин надо заехать.

– Да с удовольствием, – ответил Валера, пытаясь не выдать дрожь в голосе.

Он бы с трудом мог описать ее, Ольгу, если бы его спросили, как она выглядит. Он бы вспомнил, что на ней была узкая длинная юбка, делающая Ольгу еще выше и стройнее, и еще то, что аромат ее духов совершенно кружил ему голову.

Когда они подъехали к тому зданию, куда нужно было командиру, он сказал, что ему нужно будет провести часика два там.

– Вы езжайте пока с Ольгой по магазинам, ладно? И через пару часов за мной заедете. Ты не против, Валера?

Валера был не против. Командир направился в здание, и в машине повисла тишина. Валера пытался найти хоть какие-нибудь слова, но они все спрятались, как мышки в норку.

– Валера, а вы меня в центр отвезите? Я покажу, куда, – судя по всему, от Ольги слова не убежали.

Он стряхнул с себя оцепенение.

– Да, конечно.

Два часа пролетели незаметно, Ольга заходила в магазины, выходила с пакетами, Валера ждал. Ему то хотелось сказать ей что-то, например, как хорошо она выглядит или какие приятные у нее духи, или просто хотелось посмотреть на нее молча, или просто быть рядом... По большей части, он просто кивал, когда она говорила, куда ехать.

– У вас очень симпатичная машина, – сказала Ольга, когда они уже приехали забирать командира.

Валера покраснел и кивнул вместо «Спасибо». Она казалась ему каким-то иным существом, из другого, лучшего мира. Пего собственная жена была обычной и приземленной, просто женщиной, из плоти и крови, а Ольга была соткана из солнечного света. Прекрасная и недостижимая...

Нельзя было сказать, что он думал о ней постоянно. Скорее, он жил каким-то ожиданием ее, чувствованием, чаянием... Незримо она была с ним, ее образ, аромат ее духов, ее сияние. С женой он и так редко разговаривал, а тут и вовсе свел общение к фразам: «Что на ужин», и «Как дети?». Причем ответы слушал вполуха. Или вообще не слушал.

Служба шла своим чередом и жизнь в гарнизоне – тоже. Как-то утром командир не пришел утром в штаб, сказавшись больным, но пришел ближе к вечеру, помятый и злой. Валере почудился запах перегара, но он не придавал этому значения.

Через пару дней до него дошел слух, что Ольгу видели в больших темных очках, и якобы она скрывала синяк под глазом, но откуда бы ей получить синяк?

Еще через пару месяцев разговоры о том, что командир пьет, стали почти открытыми. Ольгу почти никто не видел, она или не выходила из дома, или выходила так, чтобы быть незаметной. Командир все чаще не приходил в штаб с утра, и Валере приходилось решать его вопросы. Он всегда отличался лояльностью к начальству, и старался из всех сил, но информация о том, что командир в запое, дошла до вышестоящих органов. Послужной список у него был отличный, и до лишения звания дело не дошло, но пришел приказ перевести его в еще более отдаленный гарнизон.

На проводах командира все чувствовали себя неловко. Офицеры нестройными голосами желали ему успехов на новом месте и благодарили за совместную работу, при этом стараясь не смотреть ему в глаза. Когда Валера увидел Ольгу, он ужаснулся перемене, которая за это время в ней произошла. Вместо сияющего ангела он видел запуганную несчастную женщину, изо всех сил старающуюся «держать лицо». Он хотел что-то сделать для нее, помочь, спасти, но что он мог? Сказать, чтобы она осталась с ним? Не уезжала? Набить морду командиру? Увезти ее ото всех? Но как? У него же семья, долг, Родина, служба... Вот уже пришла машина отвезти командира на станцию, и когда Ольга садилась на заднее сиденье, ему показалось, что она смотрела на него, Валеру, с какой-то мольбой, но может, ему показалось... Машина уехала, а он стоял и смотрел ей вслед, молча и опустив руки.

Прошло пятнадцать лет. Сменилось несколько командиров, гарнизон все больше обветшал, дети выросли. Валера дослужился до подполковника, да и Валерой его больше никто не называл. Он стал Валерием Палычем, толстоватым, слегка обрюзгшим мужчиной средних лет. У него была хорошая машина, неплохой ремонт в квартире, а дети учились в соседнем городке. Упорядоченная, неспешная, тихая жизнь.

Окружающий мир изменился. Появились маленькие телефоны, которые можно было носить в руке, со смешными буквами на кнопках, в штаб купили первый компьютер, и сообщения от руководства приходили теперь не только почтой, но и по факсу.

Стремился ли он к чему-либо? Ждал ли чего-то, хотел ли? Наверное, да. Но либо плохо стремился, либо не того ждал. Да и важно ли стремиться и ждать? Ведь есть где спать и есть, что есть. Что еще нужно?

В тот день он поехал в город по какой-то служебной надобности. Получив нужную бумагу, решил прогуляться. По дороге был неплохой книжный магазин, и он решил зайти посмотреть, нет ли новой книги по военному искусству, да и просто от скуки.

В магазине было пусто, лишь одна женщина стояла к нему спиной, листая что-то из журналов. Он посмотрел на полки, не увидел ничего нового, и собирался уходить, когда женщина обернулась.

Приличных кафе в городке не было, и они сидели за убогим столом кафетерия в кинотеатре. Фигурой Ольга почти не изменилась, она осталась такой же стройной, а волос было не видно, потому что они были убраны под шелковый платок. Особого сияния от нее не исходило, глаза были печальными и потухшими. Она рассказала Валере, как много лет назад вышла замуж за многообещающего военного, который на людях был балагуром, а дома – тираном, а потом оказалось, что тот втайне пил, и ей крепко от него доставалось, и что она промаялась с ним еще несколько лет, а потом все-таки ушла, нашла работу и стала ходить в церковь. За то время, пока они не виделись, замуж она больше не вышла, детьми не обзавелась.

– Знаете, Валера... Когда мы уезжали из гарнизона, мне почему-то показалось, что вы как-то хотели мне помочь, или я хотела, чтобы вы помогли... Я в таком отчаянии была, мне и поговорить не с кем было. Вы мне очень были симпатичны с самого начала, и мне казалось, я вам тоже, но я видела, что вы дистанцию держите. Хотя я понимаю все, у вас же семья...

Он молчал. Все эти пятнадцать лет он думал о том, что могло бы быть. Мог ли он остановить ее, или найти ее потом, и что бы было тогда... Но он всегда говорил себе, что у нее все хорошо, и что он недостоин такой женщины. Он обычный, а она – ангельская. И вот она сидела перед ним, такая же обычная, и вместе с тем та женщина, о которой он мечтал. И она давала ему надежду на новую жизнь, иную, лучшую!

Он попросил ее номер телефона и разрешения позвонить. У него не было ни плана, ни решения, ничего. Было только какое-то смутное желание внутри.

На разговор с женой он решился примерно через неделю, но, даже заговорив, не знал, что именно сказать. Вкратце суть разговора сводилась к тому, что он хочет уйти. Поменять жизнь. Начать сначала. Жить иначе.

Он опасался, что Ирина будет кричать, или скандалить, или угрожать. Но она выглядела вполне спокойной.

– А что, все эти годы тебя все устраивало? Ничего менять не хотел? Жил себе и жил, да?

– Ты не понимаешь, – попытался возразить Валера.

– Не понимаю – объясни.

– Да я как будто и не жил! Я не знаю, зачем я живу, зачем делаю то, что делаю! Я хочу жить иначе!

– А что случилось-то? Какая муха тебя укусила? Вот вчера все устраивало, а сегодня – нет?

Валера промолчал, потому что не хотел говорить про Ольгу.

– Как ты хочешь жить?

– Да не знаю я! Я не знаю даже, как я оказался здесь! Я и в армию не очень хотел, и сюда не хотел, и жениться не хотел, и детей не хотел!

– А раз не хотел, зачем сделал?

– Ну потому что долг! Должен был! Со всех сторон это слово «должен»!

– А с чего ты взял, что я хотела жить так, как живу? В этом убогом гарнизоне?

– Ты сама за меня замуж хотела!

– Да не особо, это мама моя хотела, чтобы я за тебя замуж пошла. Я учиться хотела, в город поехать, работу хорошую найти. А с замужеством этим мать сама решила все, я просто не смогла отказаться. И внуков она хотела, все уши мне про это прожужжала, причем толком и не видела их потом. Ты думаешь, я тут счастлива была? Ты сам по себе, дети еще пока маленькие были, радовали, а теперь они тоже сами по себе. Я знаю, что ты меня и не любил никогда, думаешь, это секрет? И знаю, что влюблен был в жену того командира, которого за пьянку в другой гарнизон отправили. А теперь у меня ни образования, ни карьеры, ни семьи толком.... Как считаешь, меня все устраивает? Мне кому претензии предъявить за жизнь, которая впустую прошла?

Ирина помолчала.

– Ты, если хочешь, иди, держать не стану, коль решился. Живи иначе.

Она встала и вышла из кухни.

Ночью Валере не спалось. Спали они давно отдельно, и он беспокойно ворочался на кровати. Утром, придя в штаб, он достал листочек с номером телефона Ольги и долго на него смотрел. Но набрать номер не смог. Не знал, что сказать.

Вечером Ирина поставила перед ним тарелку с борщом и собиралась выйти из кухни.

– Подожди, – сказал Валера, глядя прямо перед собой. – Послушай. Я вот подумал... Скоро же отпуск... Может, нам путевку на Черное море взять? Ты как-то говорила, что хочешь на море...

А.Ф.

Январь 2018,

Братислава